

концепции на класс знаковых систем более широкий, чем естественные языки. Подчеркнем, что речь идет не о каких-то особых семиотических методах в лингвистике, а о попытках расширения сферы применимости лингвистических понятий, что, тем самым, проясняет и сущность этих понятий.

Полезно подчеркнуть, что семиотика отнюдь не ограничивается изучением сигналов (т. е. коммуникативной функции), но не меньше занимается собственно знаковой функцией, изучая отношение знака и значения, вопросы внутренней структуры знака и т. д.

Мы согласны с Р. А. Будаговым в том, что противопоставление современной и нес современной лингвистики имеет чисто хронологический смысл, и в том, что наличие в лингвистической работе элементов математики или статистики само по себе не характеризует теоретических принципов этой работы.

Мы понимаем неприятие проф. Будаговым идеи о том, что технический прогресс заставляет по-иному понимать сущность языка. Но на этом стоит остановиться подробнее. Расцвет кибернетики и вычислительной техники действительно породил представления о том, что язык (как и другие живые системы) следует рассматривать как жесткий механизм с управлением, суть которого сводится к достаточно жестким алгоритмам. Эту наивно механистическую (или, если говорить о философских категориях, вульгарно-материалистическую) точку зрения мы вовсе не собираемся защищать.

Но есть и другая важная сторона. Постановка задачи автоматизации ряда процедур обработки текстов на естественном языке (перевод, реферирование, индексирование и т. п.) вскрыла неточность и неполноту существующих описаний языка.

Кибернетика сыграла по отношению к лингвистике «провокационную» роль, обнаружив ее слабость, заставив обратить серьезное внимание на проблему точности метаязыка лингвистики. Технический прогресс не изменил содержания лингвистики, но ускорил постановку проблем, которые принадлежат самой лингвистике. Эти проблемы все равно возникли бы под влиянием внутренней логики генерального развития науки. Они не привлечены в лингвистику извне, а только спровоцированы внешними факторами. Если непредвзято посмотреть на всю массу лингвистических работ, занимающихся структурно-математическим описанием языка, то бросается в глаза как раз их слабая зависимость от работы на заказ. Подавляющее большинство их движется чисто лингвистическими интересами. А их отношение к практическим потребностям автоматизации более или менее аналогично отношению традиционных работ к потребностям обучения языкам, составлению грамматик, словарей и т. д.

Р. А. Будагов справедливо критикует Ю. Д. Апресяна за неверное противопоставление лингвистики как гуманитарной науки и будущей лингвистики — точной науки. Беда заключается в том, что и сам Р. А. Будагов фактически принимает это же противопоставление и только требует принять противоположную, нежели Ю. Д. Апресян, альтернативу. Но ведь тут спутаны разные классификации. Можно классифицировать науки по их предмету. Тогда их можно разделить на гуманитарные (науки о человеке), естественные (науки о природе) и, кроме того, следует выделить «абстрактные» науки: математику, логику, статистику, изучающие абстрактные формы и отношения¹.

Совершенно ясно, что языкознание было и всегда останется гуманитарной наукой, тесно связанной с проблемами мышления, культуры, психологии и т. п.

¹ «Абстрактные науки» в только что приведенном смысле принято называть общим термином «математические науки». В противоположность математическим наукам принято объединять гуманитарные и естественные науки в одну группу под общим названием «эмпирические науки».